

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-877-889>

Научная статья

Социальное значение Уголовного кодекса РСФСР 1922 года: историко-правовые и гуманитарные аспекты

Р.Ф. Степаненко✉

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация;
Университет управления «ТИСБИ»,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
✉stepanenkorf@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются опыт и практики формирования советского уголовного законодательства постреволюционного периода в истории России начала XX века и их значение для развития отечественной системы права. Внимание акцентируется на анализе норм Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, впервые в отечественной истории государства и права содержательно фиксирующих социальные и гуманистические паттерны, не свойственные ранее уголовно-правовой нормативной сфере. Сложность генерирования идей и основ советского уголовного законодательства в условиях неопределенности, преумноженная множеством проблем политического, социально-экономического, правокультурного и иного характера, детерминировала, с одной стороны, доминирование идеологического контента вводимых рестрикций и мер наказания. С другой стороны, к особенностям становления системы наказаний рассматриваемого периода следует отнести новаторскую социальную и гуманистическую направленность, ставшую в последствии основой для демократизации и гуманизации уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права в России.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, юридическая ответственность, социальная защита, меры наказания, неопределенность, гуманизм

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 25 августа 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2022 г.

© Степаненко Р.Ф., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Степаненко Р.Ф. Социальное значение Уголовного кодекса РСФСР 1922 года: историко-правовые и гуманитарные аспекты // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 4. С. 877—889. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-877-889>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-877-889>

Research Article

Social Significance of the RSFSR Criminal Code of 1922: historical, legal and humanitarian aspects

Raviya F. Stepanenko✉

Kazan (Volga region) Federal University, *Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation*;
The University of management «TISBI», *Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation*
✉stepanenkorf@yandex.ru

Abstract. The article examines experience and practices of the formation of the Soviet criminal legislation of the post-revolutionary period of Russia at the beginning of the 20th century and their significance for the development of domestic system of law. Attention is focused on the analysis of the norms of the General Part of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, for the first time in the national history of state and law, which meaningfully fix social and humanistic patterns that were not previously characteristic of the criminal law normative sphere. The complexity of generating ideas and foundations of Soviet criminal law in conditions of uncertainty, multiplied by many problems of a political, socio-economic, legal, cultural, and other nature, determined the dominance of the ideological content of the introduced restrictions and penalties. On the other hand, the peculiarities of punishment system formation of the period under review should include the innovative social and humanistic orientation, which later became the basis for democratization and humanization of criminal, penitentiary, and criminal procedural law in Russia.

Key words: Criminal Code of the RSFSR of 1922, legal liability, social protection, penalties, uncertainty, humanism

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 25th August 2022

Article accepted 15th October 2022

For citation:

Stepanenko, R.F. (2022) Social Significance of the RSFSR Criminal Code of 1922: historical, legal and humanitarian aspects. *RUDN Journal of Law*. 26 (4), 877—889. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-877-889>

Введение. Постановка проблемы

Социальная сущность права объясняет его наиважнейшее историческое внутреннее содержание, прообразы тех существенных и необходимых явлений для человечества, которыми было пронизано его существование. Социальное понимание права как феномена — «само себя показывающего» (М. Хайдеггер)

в справедливости и добродетели распределения благ, свобод, установления обязанностей и применения наказания, фиксировалось исходя из разнообразия правопонимания в различных правовых системах. В то же время необходимость и потребность всех без исключения государственных устройств в правовых установлениях характеризуют государство вообще, как «общину» (Ф. Энгельс), в которой согласованность и упорядоченность общественных отношений обеспечиваются состоянием и качеством законности, эффективностью юридических законов.

Как отмечал известный российский философ М.К. Мамардашвили: «Человеческие установления вообще таковы: они не живут, умирают, без того, чтобы в каждый данный момент... на уровне собственной неотъемлемой жизненно-смертной потребности, риска ответственности и т.д., воспроизводить это установление, например, моральный закон, закон юридический и т.д.» (Mamardashvili, 1994:7), обосновывая и подтверждая важность правовой регламентации человеческой жизнедеятельности в ее социальной ориентации и взаимодействии с социумом.

Постнеклассическая методология, складывающаяся в синтетической парадигме, в т.ч. юриспруденции, отличается от предыдущих научных установок и гносеологических моделей поиском и обнаружением тех существенных характеристик права, которые позволяют «извлекать» или «вписывать» его (право) в сложные самоорганизовывающиеся, динамично развивающиеся открытые системы посредством синергии междисциплинарности. Диалогизм гуманитарных и естественно-гуманитарных дисциплин в мейнстриме нахождения социальных сущностей права реализуется в той мере, в которой их связывает единое целеполагание. Будь то установление удовлетворительного социального порядка, будь то обеспечение благополучия человека — как биопсихо-социокультурного феномена (В.А. Бачинин), либо что-то иное, междисциплинарность оправдывает себя для достижения общей цели науки, будучи приложимой к той или иной когнитивной сфере социогуманитаристики, и шире.

Как отмечено Л.А. Марковой: «...отношения «взаимопомощи» между науками реализуется, как правило, между науками, существующими как бы в одном пространстве, независимо от времени формирования структур. Прошлые теории не рассматриваются как разрушенные последующим развитием науки, они сосуществуют с современными» (Markova, 2014:31). Сказанное подтверждает герменевтическое правило «сказанное всегда ужé», особенно в социогуманитаристике, но с учетом «вновь открывшихся обстоятельств» в эволюционных процессах, стремящихся по-новому взглянуть на изменившиеся условия государственно-правовой жизни.

В полной мере отмеченное относится и к нашему исследованию, в котором мы попытаемся, возможно по-новому взглянуть на социальную сущность права современного, опираясь на опыт и практики советской государственности. В частности, нами будут рассмотрены новации уголовного законодательства в период становления советского государства и права, имеющие отнюдь не исключительно характер рестрикции или репрессий, но и гуманные, социально значимые паттерны.

Предпосылки формирования социально значимой системы наказаний в советском государстве

Метод историософии, задействованный в научно-исследовательской работе, способствует осуществлению разностороннего ретроспективного социально-философского анализа деструктивных явлений и реакции на них общества и государства (правонарушения — юридическая ответственность), которые плодотворно и перманентно изучаются правовой наукой с позицией повышения эффективности правоустановлений и правореализации.

Но: «Главное звено в осмыслении негативных «социально-экономических и связанных с ними проблем — государство с его организующей силой и системными возможностями» (Vlasenko, 2022:8) — обоснованно подчеркивает Н.А. Власенко.

Нравственно-религиозные основания и поиски аксиологического ядра государственности в раннем творчестве Г.В.Ф. Гегеля привели великого мыслителя к определению государства как «Шествия Бога на земле». Рассматривая государство в качестве элемента всеобщей системы нравственности, Г.В.Ф. Гегель не усматривает различий между общественной и государственной сферами жизни полиса. Позднее, преодолевая метафизическое осмысление государства уже в русле диалектической методологии, Гегель синтезирует цикл политико-правовых взглядов на государство с идеями свободы личности и справедливости, все-таки дифференцируя общественное и государственное. «Установление принципов равенства и справедливости, закрепления права собственности, где последнее — ось, вокруг которой вращается все законодательство... составляет заботу всех наших властей и гордость наших государств» (Hegel, 1990:228). «Само же государство не механизм, а разумная жизнь самосознующей свободы, система нравственного мира» (Hegel, 1990: 299), осознанная и получившая свое выражение, прежде всего, в разуме государственной власти, в ее делах и протекторате над общественным и индивидуальным.

Советское государство, выстраиваемое, однако, в лакуне подобных моделей государственности, с позиций марксистско-ленинской философии, а также, некоторым образом, в диапазоне гегелевского рационального учения о государстве формировалось как новый «социальный организм», не имеющий аналогов в мировом пространстве государственности. Отвергая «робинзонаду» как неприемлемую форму организации общественных отношений и связей, основой развития строящегося государства марксизмом конкретно определялись именно производственные отношения, образующие экономический строй (базис) и возвышающуюся над ним надстройку — юридические и политические институты с соответствующими им формами сознания.

К. Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения» (Marx & Engels, 1959), государство же как априори диктатура пролетариата, т.е.: «...организация авангарда угнетенных — в господствующий класс для подавления угнетателей... вместе с громадным расширением демократизма впервые становящегося демократизмом для бедных,

демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких... дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить... Демократия для гигантского большинства народа и подавления силой, т.е. исключение из демократии эксплуататоров, угнетателей народа, — вот каково видоизменение демократии при переходе от капитализма к коммунизму» (Lenin, 2020:333). Собственно данный посыл будет реализован в формируемом советском законодательстве, будучи закрепленным в Конституции РСФСР 1918 года посредством экстраполяции уже сложившейся системы наказаний с приращением новых видов, способов и средств данной системы.

Однако период перехода от капитализма к коммунизму со всей очевидностью объясняет необходимость функционирования особой машины — «государства, способного модифицировать псевдодемократию для богатого меньшинства в подлинную демократию большинства, где на первой стадии (фазе) коммунистического общества каждый получает от общества ровно столько, сколько сможет ему дать». Но при равном труде «один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т.д., чтобы избежать всего этого, право вместо того, чтобы быть равным, должно быть неравным» (Marx & Engels, 1959).

Фактическое неравенство буржуазного права сохраняется и переформируется в формальное равенство постепенно и паллиативно. Конституционализация принципов выстраиваемого советского права: «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком» (ст. 3); «в целях уничтожения паразитических слоев общества» введение всеобщей трудовой повинности (п. «е» ст. 6); «не трудящийся да не ест» (ст. 18), непосредственным образом нашла свое отражение в отраслевом законодательстве, носящем в рассматриваемый период подчеркнuto идеологизированный, политически ранжированный, системный и, насколько это было тогда возможно — упорядоченный характер.

В то же время, как и всякий период становления, эпоха формирования кодифицированного советского законодательства отличалась во многом неопределенностью, пробельностью и проблемами в нормативной правовой сфере, а порой и противоречивостью, учитывая классовый подход не только при построении системы наказаний, но и при манифестации всего государственного организма в исследуемый период.

Особенности становления и развития советского уголовного права и системы наказаний: социальные и гуманистические начала

Рассматривая и анализируя генезис советского уголовного и уголовно-исправительного права, следует подчеркнуть его социально дуалистичный, не всегда последовательный характер. Безусловно, повторимся, всякий процесс становления отличается темпоральными особенностями приобретения, формирования, перехода «мысли из неопределенности в определенность» (Гегель), развития. Сталкиваясь на этом пути со многими трудностями, уголовное законодательство не могло не избежать проблем деятельностного, материального, формального и целевого свойств. Такова каузальная природа эволюции законодательной среды.

Как справедливо отмечает А.И. Чучаев, первые попытки советской власти систематизировать уголовно-правовые нормы в «форсированном» порядке, не

смотря на объективные сложности, явились катализатором последовательного развития уголовно-правовой мысли. На первоначальном этапе уголовно-правовые нормы содержались в воззваниях, декретах, постановлениях и др. Так, в период с 26.10.1917 по 1922 годы было принято более 400 нормативных актов, направленных на противодействие отдельным видам преступлений (Chuchayev, 2022).

Интенсивная и активная законотворческая деятельность постреволюционного периода означала серьезную озабоченность государства проблемами не только политического, экономического, но и социального характера. Сложившаяся судебная практика периода революционного права, базирующаяся на «революционной совести и революционном сознании», во многом благодаря использованию учения Л.И. Петражицкого, впоследствии потребовала рецепции и систематизации ее целесообразных, для того периода, результатов в кодифицированном законодательстве. В этом нуждалась и политическая обстановка, целеполаганием которой было установление законности и правопорядка в условиях нового государственного образования, новой экономической политики и построения актуальной российской (советской) правовой системы.

Принятый в мае 1922 г. Уголовный кодекс основной своей задачей провозглашал «правовую защиту государства и трудящихся от преступных деяний общественно опасных элементов путем применения наказания и иных мер социальной защиты»¹.

Конструктивной особенностью первого Уголовного кодекса РСФСР было объявление социальной ценности и цели наказания, формирование конкретных норм Общей части Уголовного кодекса, предусматривающих, помимо наказания, иные меры социальной защиты (запрет занимать ту или иную должность, высылка в определенную местность, лишение родительских прав и др.). Меры социальной защиты граждан от особо опасных деяний, Уголовным кодексом 1922 г. подкреплялись усилением ответственности за преступления против основ социалистического государства, за хищение, уничтожение или повреждение государственного, или общественного имущества, взяточничество и т.д. и носили, во многом действительно репрессивный характер.

Вместе с тем статья 8 УК РСФСР указывает, что: «наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений»², а ст. 9 конкретизирует назначение наказания в соответствии с социалистическим правосознанием судебных органов. Статья 10 допускает аналогию применения наказания или мер социальной защиты, в случае отсутствия указаний на отдельные виды преступлений в данном Уголовном кодексе, что вызывает серьезные дискуссии в научной юридической среде.

¹ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153 (утратил силу).

² Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153 (утратил силу).

Между тем помощью грамматического толкования отмеченных норм можно констатировать (в части рассматриваемых нами проблем) отождествление наказания с иными мерами социальной защиты, что вполне согласуется с позицией советских правоведов о справедливости, гуманизме и социальном значении системы наказания. Коль скоро «наказание» и «другие меры социальной защиты» объединены соединительным союзом «и», наказание предстает не только уголовной репрессией, но и носит определенные гуманистические признаки.

«Гуманизм советского права проявляется в дальнейшем сужении сферы уголовных репрессий, расширении профилактических, предупредительных мер... в законодательной и судебной практике все более полно проводятся в жизнь принцип дифференциации и индивидуализации ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния и данных о личности виновного...» (Dubinin, Karpets & Kudryavtsev, 1982:259), отмечено в классическом труде известных правоведов советского периода.

Соответственно, Уголовный кодекс 1922 г. в разделе III «Определение наказания» уточняет социальные, политические и иные особенности при определении наказания, такие как:

— совершение преступления в интересах «восстановления власти буржуазии» (политический аспект безопасности государства);

— совершение преступления против государства и личности (социально-политический аспект безопасности государства и личности);

— *совершение преступления в состоянии голода и нужды, или нет*» (социально-экономический аспект и защита социально уязвимых слоев населения).

Последнее представляет, на наш взгляд, собой особенное гуманистическое значение, демонстрируемое законодателем в Уголовном кодексе 1922 г., напрасно, как представляется, нивелируемое сегодня.

К следующему фактору, подтверждающему социальную функцию Уголовного кодекса 1922 г., можно отнести положения ст. 34, где говорится: «...в приговоре суда должно быть указано, на какой срок осужденный приговаривается к лишению свободы и требуется ли строгая изоляция. Лишение свободы обязательно соединяется с работами, *которые по возможности должны сообразовываться со специальными знаниями и склонностями заключенного*».

Кроме того, социальное назначение Уголовного кодекса 1922 г., помимо установления вины, вреда для общества или серьезной угрозы общественному правопорядку, наличия душевной болезни или расстройства душевной деятельности, малолетнего возраста до 14 лет, использования мер необходимой обороны, возможности конфискации имущества, за исключением необходимого для осужденного и его семьи и др., в соответствии со ст. 46 к другим мерам социальной защиты, подтверждается:

— помещением в учреждения для умственно или морально дефектных (социально-биологический и нравственно-правовой аспект);

— принудительным лечением (биопсихологический и социальный аспекты);

— воспрещением занимать те или иную должность... (политико-правовой, морально-нравственный аспекты);

— удаление из определенной местности (политико-правовой, превентивный, воспитательный и иные аспекты).

Примечательно, что ст. 47 дифференцирует учреждения на: а) для умственно и морально дефектных и: б) лечебные заведения. Отсюда следует, что признание судом «социально опасным элементом» лиц, совершивших преступления, означало принятие альтернативного решения для помещения лица либо в медицинское учреждение, либо в какое-то иное учреждение (организацию), перечень которых установлен статьей 49 УК РСФСР 1922 г. (исправительно-трудовые дома, трудовые сельскохозяйственные и ремесленные колонии, переходные исправительные дома).

Вообще принятие альтернативных мер ответственности и наказания обосновывалось и аргументировалось не столько тяжестью совершенного преступного деяния, сколько зависели от социально-классовой принадлежности и характеристики преступника. Прежде всего учитывалось социально-классовое происхождение субъекта преступления, что вполне закономерно для рассматриваемого социально-исторического периода. «Транзитивные нормы» (Chuchayev, 2022) и альтернативные меры наказания характеризуют «переходность» состояний системы права от отвергаемого новым социалистическим государством буржуазного права — к формируемому собственному актуализирующемуся формату.

Собственно, генезис любой государственности испытывает аналогичные проблемы, в связи с чем становление советского государства и права в своем онтогенезе исключением не являлось. Неопределенность в праве как ранее, так и теперь, как отмечает Н.А. Власенко, отнюдь не означает «допущения произвола». Несмотря на то, что: «...жесткое регулирование не всегда целесообразно и часто объективно невозможно... правовая неопределенность и ее пределы содержатся в системе права посредством относительно определенных норм права и с помощью фиксирования доступных альтернатив установления верхних и(или)нижних границ возможных вариантов решений» (Vlasenko, 2017:11). В связи с чем можно подчеркнуть, что в периоды неопределенности (какой является и описываемая нами эпоха), факультативные, ситуационные и альтернативные нормы оказываются ощутимо востребованными и эффективными для установления законности и правопорядка в конкретно исторических условиях.

Как описывается в монографии «Наказание и альтернативные меры в уголовном праве» (Казань, 2005), исторические процессы развития уголовного законодательства в России в части гуманизации системы наказания, изменения ее социальных приоритетов, до 1917 г., в основном целью наказания являлась месть, устрашение и возмездие. «Взгляд на наказание как акт отмщения был «узаконен» еще в Ветхом завете, Евангелии, Коране и других религиозных источниках». Несмотря на дискуссионность данного утверждения, автор подчеркивает и иную цель, например, религиозного наказания — покаяние виновного. Тем не менее, Русская правда, Псковская и Новгородская судные грамоты, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г., Воинский артикул Петра I 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г. и др., так или иначе доминирующим образом ставили своей целью

устрашение и возмездие, хотя в более поздних источниках упоминается и исправление осужденных «во благо общества» (Sundurov, 2005).

Здесь следует отметить значение Казанской школы уголовного права в обосновании гуманистических идей институтов (системы) наказания. Так: «Профессор Императорского Казанского Университета А.П. Чебышев-Дмитриев в середине XIX столетия писал, что... не характер наказания влияет на господствующие в обществе воззрения: одно из главных — справедливость наказания и его польза для общества... как он считал, казни и наказания обыкновенно производят одно лишь упорство и сопротивление, то есть не искореняют предрассудки, а вкореняют их» (Sundurov, 2005:128).

Известны своей социальной и гуманистической направленностью взгляды профессора Казанского Императорского университета А.А. Пионтковского, обосновывающего и популяризирующего в России целесообразность введения условного осуждения и освобождения отбывания наказания. В работе «Об условном осуждении или системе испытания. Уголовно-политическое исследование» (Piontkovskii, 1894), автор указывал на страдания не только преступников, приговоренных к лишению свободы, но и условно осужденных. Страх быть подверженным реальному наказанию соответствует и идее возмездия, и идее порицания обществом. С другой стороны, назначая условное осуждение, учитывается главный фактор этиологии преступного поведения и совершенного деяния — физические и социальные условия жизни, возможно способствующие совершению преступления. Эти условия у лиц, совершивших преступления могут принципиально различаться, поэтому исходя из принципа социальной справедливости условное осуждение есть та мера, которая учитывает эти обстоятельства и служит целям советского права и государства. В дальнейшем идеи А.А. Пионтковского, А.К. Вульфберта, И.Я. Фойницкого и других российских правоведов легли в основу уголовной политики России рассматриваемого и современного периодов.

Воззрения известных русских правоведов, их замыслы и идеи относительно целей наказания получают свое дальнейшее развитие в современных трудах ученых Казанской юридической школы уголовного права, Л.В. Бакулиной, С.А. Балеева, М.В. Талан, М.А. Скрыбина, Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова, А.И. Фатхутдинова и др. Исследования особенностей назначения юридической ответственности и ее социальному предназначению уделяют значительное внимание социогуманитарному аспекту данной научной сферы и дополняются теоретико-правовыми работами.

Так, в работе Д.В. Ливенцева (Liventsev, 2022) отмечается, что осуществляемая в постреволюционный период правовая политика в отношении «социальных низов» имела свои позитивные результаты с точки зрения социального содержания институтов юридической ответственности. Целями и задачами последней были «формирование человека принципиально новой общественной формации» и борьба с «социально чуждыми» для советской власти «элементами». Автор подчеркивает позицию законодателя в отношении несовершеннолетних правонарушителей, направляемых судами в трудовые дома — «реформатории», где в основе перевоспитания лежало приобщение их к труду, получение образования, моральное и идеологическое воспитание путем, прежде всего,

педагогического воздействия на личность. Такая правовая политика обеспечила реальное перевоспитание более 60% несовершеннолетних правонарушителей, став «школой новой жизни», открывающей реальные перспективы социального роста почти во всех областях государственного строительства. Также в работе отмечается социальное и гуманистическое значения предоставления сезонных отпусков осужденным для осуществления сельскохозяйственных работ и иные альтернативные меры юридической ответственности, имеющие позитивные результаты «на пути мирного развития советского социалистического государства» (Liventsev, 2022).

Смена гештальта государственности после событий 1917 г., повлекшая фундаментальные преобразования правовой системы, в том числе в сфере уголовного и пенитенциарного права, со всеми атрибутами политического, экономического, социокультурного и иного характера, изменила социальные приоритеты целей и задач наказания, придав им ощутимо демократический и гуманный характер. Модификация архетипов юридического мировоззрения, начало которой было положено не только доктринальными взглядами зарубежных ученых, как принято было считать в правовой науке, происходила и в отечественном правоведении.

Идеи гуманизма как одной из универсалий антропоцентристской и правокультурных моделей эволюции человека, актуализированные российскими правоведами в концепции возрожденного естественного права с середины XIX в. (Вышеславцев Б.П., Гессен С.И., Ильин А.А., Кистяковский Б.А., Муромцев Б.А., Новгородцев П.И., Трубецкой Е.Н. и многие другие), придавали морально-нравственный колорит российскому праву и не могли быть не учтены в процессе становления советского государства и права (Tikhomirov, 2022).

Позднее С.С. Алексеев в работе «Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы» напишет о становлении в новейший период «философии правозаконности», основанной на строжайшем, неукоснительном провидении в жизнь: «...не любых и всяких норм, а начал гуманистического права, прежде всего основных, неотъемлемых прав человека... общедемократических правовых принципов, частного права, независимого правосудия...» (Alekseev, 1999), демонстрируя преемственность гуманистической концепции права. «Золотой век» юриспруденции, как видится, возымел свое влияние в том числе, возможно, и на период зарождения советского государства и права в научном и практическом смысле. Демократизация и гуманизация наказания сегодня своими истоками имеет исторические основания, заложенные еще Уголовным кодексом РСФСР 1922 года.

Выводы

Социальное назначение уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, с одной стороны, со времен советского государства и права, не претерпело сколь-нибудь заметных изменений. Многое из отмеченного нами в процессе анализа УК РСФСР 1922 г. экстраполировано в действующие нормативно-правовые акты.

Вместе с тем имеющиеся современные проблемы в политической, социально-экономической и правокультурных областях, вновь и вновь возвращают нас к тому историческому опыту построения советской государственности, в особенности к практикам назначения наказания с учетом личностных характеристик правонарушителя, его возрастных, материальных, психобиологических и иных особенностей. Общество риска, в котором сегодня мы пребываем, занимаемся правовой деятельностью, воспитанием и образованием подрастающего поколения, не всегда предоставляет возможности и не гарантирует в полной мере молодежи продвижения по «социальным лифтам», особенно той ее части, которая имеет отношение к совершению правонарушений и наказанию за них.

«Решение проблем рисков как результата деятельности человека в современных условиях может иметь положительную перспективу на основе учета и опоры на традиционно сложившиеся ценности гуманистическими ориентированных социальных систем... риск пандемии соперничает с риском потери работы, утраты привычного качества жизни, а в некоторых случаях потери смысловых ориентаций...» (Рубаков, 2021:35), что должно стать предметом особого внимания правосудия при назначении наказания.

Судебная ветвь власти государства, на которую возложена наиважнейшая функция — вершить справедливое и гуманное правосудие, невзирая на отдельные идеологические и политические предпочтения, точно также как и законодательные и исполнительные органы власти, должны являть собой образ эффективного управления и авторитета механизма управления в государстве посредством оптимальных и соответствующих времени правовых решений.

В случае, если устройство государственной власти не оптимально, не оптимально управляемо и демонстрирует злоупотребление своими полномочиями, то такое государство, в соответствии с идеями Аристотеля, можно признать «отклоняющимся»: «...где богатство ценится выше добродетели и все государство становится корыстолюбивым» (Vlasenko, 2021:484), что сегодня диссонирует с декларацией России как демократического, правового и социального государства.

В данном контексте так называемое «отклоняющееся государство» детерминирует правовые риски индивидуальных и коллективных девиаций, крайне нежелательных, а точнее — недопустимых в сложные периоды неустойчивости и турбулентности государственных устройств. «Неуходящие» риски ядерной войны, распространение террористических угроз, опасность применения химического, бактериального и иного оружия, сделали риски, новым неотъемлемым свойством современной жизни (Stepanenko, 2018:2018). Сегодняшние обстоятельства «обнажают» суть перманентных процессов совершенствования законодательства и его социального предназначения в справедливом и гуманном контекстах.

Как бы то ни было, государство: «Будучи самой универсальной организацией в обществе... обладает уникальными средствами воздействия — правовым регулированием, полицией, армией» (Tihomirov, 2013:13), оно берет на себя всю ответственность за реализацию конституционных положений о правах и свободах своих граждан, демократическом и социальном государстве. Соответственно, и отраслевое, в том числе уголовное, уголовно-процессуальное и

уголовно-исполнительное законодательство, не могут не соответствовать данным требованиям, закрепленным в Основном законе Российской Федерации. Поэтому сегодня задачей современной юридической науки становятся отыскание и обоснование тех позитивных аспектов в истории права и государства России, при помощи которых возможно решение не только научных академических, но и практических политических, социально-экономических, правокультурных проблем, для установления и удержания законопорядка, с которыми сталкивалось, в частности, советское государство в сложнейшие периоды своего развития.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (1999) *Philosophy of law: history and modernity. Problems. Trends. Perspectives.* Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1999. 329 с.
- Chuchayev, A.I. (2022) The First Soviet Criminal Code: Conceptual Foundations and General Characteristics (To the 100th Anniversary of the Adoption). *State and Law.* (6), 152—167. <https://doi.org/10.31857/S102694520020481-0> (in Russian).
Чучаев А.И. Первый советский Уголовный кодекс: концептуальные основы и общая характеристика (К 100-летию со дня принятия) // Государство и право. 2022. № 6. С. 152—167. <https://doi.org/10.31857/S102694520020481-0>
- Hegel, G.W.F. (1990) *Philosophy of law.* Trans. from German. Kerimov D.A. & Nersesyants V.S. (eds.). Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.: ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Dubinina, N.P., Karpets, I.I. & Kudryavtsev, V.N. (1982) *Genetics, behavior, responsibility: (On the nature of antisocial acts and ways to prevent them).* Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).
Дубинина, Н.П. Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М.: Политиздат, 1982. 304 с.
- Lenin, V.I. (2020) *Marx, Engels, Marxism.* Moscow, Algoritm Publ. (in Russian).
Ленин В.И. Маркс, Энгельс, марксизм. М.: Алгоритм, 2020. 535 с.
- Liventsev, D.V. (2022) *The Institute of Alternative Legal Responsibility in the Period of Revolutionary Legality: Historical and Legal Research.* Author. of dis. ... Cand. of legal sciences. Kazan, The University of management TISBI. (in Russian).
Ливенцев, Д.В. Институт альтернативной юридической ответственности в период революционной законности: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2022. 25с.
- Mamardashvili, M.K. (1994) Philosophy and personality. *Chelovek.* (5), 5—19. (in Russian).
Мамардашвили М.К. Философия и личность // Человек. 1994. № 5. С. 5—19.
- Markova, L.A. (2014) Transformations of interdisciplinarity in the context of social epistemology. *Filosofiya nauki.* 19 (1), 27—37. (in Russian).
Маркова Л.А. Трансформации междисциплинарности в контексте социальной эпистемологии // Философия науки. 2014. Т. 19. № 1. С. 27—37.
- Marx, K. & Engels, F. (1959) Toward a critique of political economy. In: *Collected works*, ed. 2nd, T. 13. Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).
Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. Изд. 2. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. 771 с.
- Piontkovskii, A.A. (1894) *On probation or probation system. Criminal-Political Research.* Odessa, Tipo-lit. Headquarters of the Odessa Military District Publ. (in Russian).

- Пионтковский А.А.* Об условном осуждении или системе испытания. Уголовно-политическое исследование. Одесса: Типо-лит. Штаба Одес. воен. окр., 1894. 197 с.
- Stepanenko, R.F. (2018) Legal risks as a subject of study in general theory of law: problems and prospects of the methodology of interdisciplinarity. *State and Law*. (6), 13—22. <https://doi.org/https://doi.org/10.7868/S0132076918060021> (in Russian).
- Степаненко Р.Ф.* Правовые риски как предмет исследования общей теории права: проблемы и перспективы методологии междисциплинарности // Государство и право. 2018. № 6. С. 13—22. <https://doi.org/https://doi.org/10.7868/S0132076918060021>
- Sundurov, F.R. (2005) *Punishment and alternative measures in criminal law*. Kazan, Kazan State University. (in Russian).
- Сундуров Ф.Р.* Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. 298 с.
- Tikhomirov, Yu.A. (2022) *State: monograph*. Moscow, Norma Publ. INFRA-M Publ. (in Russian).
- Тихомиров Ю.А.* Государство: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 320 с.
- Vlasenko, N.A. (2017) Categories «uncertainty» and «certainty» in the study of law and philosophical problems. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1(37), 8—17. (in Russian).
- Власенко Н.А.* Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1(37). С. 8—17.
- Vlasenko, N.A. (2021) The declining state: Aristotle teachings and post-Soviet reality. *RUDN Journal of Law*. 25(3), 479-505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505> (in Russian).
- Власенко Н.А.* Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 479—505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505>
- Vlasenko, N.A. (2022) *The modern Russian state. Essays*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А.* Современное российское государство. Очерки. М.: Норма, 2022. 152 с.

Сведения об авторе:

Степаненко Равия Фаритовна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Российская Федерация, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; Учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ»; Российская Федерация, 420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, д. 13

SPIN-код: 6988-5749

e-mail: stepanenkorf@yandex.ru

About the author:

Raviya F. Stepanenko — Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation; The University of management TISBI; 13 Mushtari str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420012, Russian Federation

SPIN-code: 6988-5749

e-mail: stepanenkorf@yandex.ru